

предполагает, напротив, что эта субстанция уже образована. Однако, добавляет Генрих, один и тот же аргумент применим и против индивидуации через «этость», ибо если сказать, что субстанция Сократа определяет количество Сократа таким образом, что это последнее не может обнаружиться в субстанции Платона, то нужно также сказать, что субстанция Сократа определяет «природу» Сократа таким образом, что последняя никогда не может обнаружиться в субстанции

Глава IX Философия в XIV веке

480

Платона. Таким образом, «человечность» Сократа не есть общая природа — она на полном основании индивидуальна.

Этот вывод неизбежно господствует в дискуссии по проблеме универсалий. Аристотель учил («О душе», I, 1), что понятие «животное» есть либо ничто, либо выводится из индивидов, из которых извлекается посредством интеллекта. Аверроэс заключил отсюда, что дефиниции родов и видов являются дефинициями не реальных вещей вне души, а индивидов, и что именно интеллект порождает на их основании универсальность. Дуне Скот, в свою очередь, допустил это заключение, но отнес к природам, а следовательно, к видам (но не родам) если не универсальность, то по крайней мере ту общность (*communitas*), о которой мы говорили выше и которая безразлично относится и к всеобщности, и к единичности. Понимаемые таким образом природы являются не вещами (*res*), а реальностями (*realitates*); не сущими (*entia*), а целокупно-сущими (*entitates*) — настолько реальными, чтобы стало возможно их формальное различение в мышлении. Стремясь вернуться к подлинной позиции Аристотеля, Генрих, напротив, утверждает, что та же самая вещь, единичная, если рассматривать ее под одним углом зрения, есть универсалия при ином отношении. Взятая сама по себе, всякая реальная вещь вне души есть тем самым единичное, но эта же единичная вещь естественно способна воздействовать на интеллект столь разными способами, что он воспринимает ее то смутно, то ясно. Расплывчатый концепт — это концепт, посредством которого интеллект не отличает один индивид от другого. Так, Сократ побуждал интеллект представить себе «человека» — восприятие, посредством которого интеллект не может узнать Сократа как лицо, отличное от Платона. В этом смысле всякое восприятие, более общее, чем «Сократ», — например «человек» или «животное», — обозначает только Сократа, но понимаемого весьма расплывчато. Так Генрих из Харклея спонтанно возвраща-

ется к старой позиции Абеяра; и как раз поэтому Оккам будет еще считать его реалистом. Воспринимаемый ясно, Сократ есть просто-напросто Сократ; воспринимаемый смутно, Сократ есть тоже просто-напросто человек; так по сути дела (*in rei veritate*) Сократ есть человек, животное, тело, и все это реально едино (*ista omnia sunt unum realiter*), и в этом нет ничего более или менее общего, кроме наших различных способов рассмотрения. Для Оккама это никогда не будет окончательным решением проблемы. «Все те, кого я знал, — скажет он, — в согласии друг с другом говорят, что природа, некоторым образом универсальная, пусть лишь в потенции и не во всей полноте реально присутствует в индивиде; хотя одни говорят, что она в них различается реально, другие — что формально, и наконец, третьи — что в действительности она в них никоим образом не различается, разве только на основе точки зрения интеллекта». В критике Оккама явным образом подчеркивается, что позиция Генриха сохраняла еще черты реализма: «Ложно, будто вещь единична при одном восприятии и универсальна — при другом, ибо вещь, единичная сама по себе, не является универсальной никоим образом и ни при каком восприятии». Короче говоря, общее, или универсальное, Генриха из Харклея остается «*figmentum cui*